

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Кульнев Александр Сергеевич

**Свобода слова в современном обществе: конституционно-
правовая теория и судебная практика**

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-
правовые) науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель – ***Богданова Наталья Александровна,***
доктор юридических наук, доцент

Официальные оппоненты – ***Арановский Константин Викторович,***
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Государственный
академический университет
гуманитарных наук», юридический
факультет, кафедра публичного права,
профессор;
Должиков Алексей Вячеславович,
доктор юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»,
юридический факультет, кафедра
конституционного права, доцент;
Салихов Дамир Равильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», факультет права,
департамент публичного права, доцент.

Защита диссертации состоится «19» июня 2025 г. в 15 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ.051.4 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: Москва, Ленинские горы, д.1, стр.13-14, 4-й учебный корпус, Юридический факультет, ауд.536а.

E-mail: dissovet@law.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3449>.

Автореферат разослан «___» мая 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат юридических наук

Н.С. Малютин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Идею об особом месте свободы слова среди прав человека можно выражать самым разным образом. Авторы Писем Катона¹, а затем Джеймс Мэдисон, создатель проекта американского Билля о правах 1789 года², называли её величайшим бастионом свободы, русский публицист Иван Аксаков – необходимым условием самого человеческого бытия³, а современный правовед Ларри Александер – ярчайшей звездой в созвездии прав⁴. В 2016 году британская социологическая служба *YouGov* задавала респондентам в семи европейских странах и США вопрос, какие права человека они считают самыми важными. Только свобода слова вошла в число таковых в более, чем половине ответов во всех странах. Такой опрос, разумеется, малорепрезентативен, но точно не будет преувеличением сказать, что свобода слова широко признается важной частью конституционализма.

Подобная общепризнанность не означает, что необходимость защиты свободы слова приобрела характер аксиомы (в таком случае она скорее утратила бы актуальность как тема исследования). Напротив, несмотря на широкое декларативное признание, свобода слова с самого момента своего провозглашения и по сегодняшний день подвергается серьезным угрозам. Их конкретное выражение постоянно меняется, но происхождение, как представляется, едино. Свобода слова преграждает путь сразу нескольким мощным порывам, естественным для людей и государственных институтов, управляемых ими. В первую очередь, она мешает всем, кто пытается, используя государственную власть, принудительно изменить мышление

¹ Эссеисты Т. Гордон и Д. Тренчард также указывают: «Без свободы мысли не может быть такой вещи, как мудрость и нет такой вещи, как общественная свобода без свободы слова» См.: Trenchard J, Gordon T. Cato's Letters; or, Essays on Liberty, Civil and Religious, and Other Important Subjects. Vol. 1, Letter No. 15 / Ed. R. Hamowy. Liberty Fund, 1995.

² Handout 2: James Madison's Proposed Amendments to the Constitution, June 8, 1789 // Annals of Congress, House of Representatives, 1st Congress, 1st Session, June 8, 1789. Washington, DC: Gales and Seaton, 1834. P. 451.

³ Аксаков И.С. Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовместна с существующею у нас политической формою правления // День. 1863. № 4 (26 янв.).

⁴ Alexander L. Is Freedom of Expression a Universal right // San Diego Law Review. Vol. 50. 2013. P. 707.

граждан для реализации своих сиюминутных политических задач или масштабных идеологических проектов. Поскольку желающих это сделать достаточно много, они мотивированы и обладают значительными ресурсами, вторжение в возможность людей высказываться свободно, без страха попасть под юридические санкции, происходит постоянно.

Демократизация политики вовсе не снимает эту угрозу. Предложения по введению цензуры становятся успешными в том числе благодаря нетерпимости, которая, думается, вполне естественна для людей. Вполне нормально относиться к цензуре равнодушно и даже немного поддерживать её, если ограничиваются взгляды, которые мы не приемлем. Свобода слова заставляет идти наперекор этому инстинкту: судья Оливер Уэнделл Холмс, невольный отец-основатель юриспруденции Верховного суда США по этому вопросу, замечал, что нужно быть неизменно бдительными в отношении попыток ограничить выражение идей, которые мы ненавидим и считаем смерти подобными. Судья обращает внимание на вечность этого противоречия и неестественность, даже нелогичность, следования конституции в этой части.

Проблема свободы слова актуализировалась в современном мире из-за двух совпавших и тесно связанных тенденций. Во-первых, примерно с конца XX века происходит быстрое развитие технологий распространения информации – Интернета и, конкретнее, социальных сетей. Высказываний, то есть самих объектов защиты свободы слова, стало кратно больше. Однако дело не только в количестве: данные высказывания ещё и максимально публичны, их трудно «стереть» и легко найти, задав нужные ключевые слова. Революционные изменения в технологии распространения информации (как правило делающие этот процесс более массовым и дешёвым) всегда привлекали внимание цензоров. Радио и телевидение, печатные станки, а

ранее – само письмо⁵, рассматривались как серьёзные угрозы сложившемуся общественному порядку и подвергались разнообразным ограничениям. Интернет и социальные сети, разумеется, не стали исключением из этого ряда.

Вторая тенденция, усиливающая актуальность конституционной свободы слова, связана не с объективными факторами, а с интеллектуальным течением, набравшим в наши дни глобальный вес. Постмодернистская система взглядов на реальность, в значительной степени подмывая под себя мировой академический дискурс, проявляет особое внимание к словам и языку, видя в них источник большинства общественных проблем. Поскольку язык якобы формирует социальную реальность, а эта реальность кажется несправедливой, слова – это корень всех зол.

Второе проявляется в России в меньшей степени, однако глубокие проблемы с осознанием того, что такое свобода слова и почему она должна защищаться, остаются. Хотя свобода слова является частью российского права ещё с 19 октября 1905 года, а проблемы цензуры многократно ставились и ранее, до сих пор системной и глубокой научной проработки данная конституционная свобода не получила.

На месте доктрины свободы слова в российской юриспруденции имеется очевидный пробел, причина которого видится в следующем. Хотя кажется, что свобода слова – это старинная идея, «избитая истина»⁶, на самом деле, серьёзное отношение к её защите – относительная новинка. Большая часть научной разработки и прецедентообразующей судебной практики относительно этой свободы в развитых конституционных правовых порядках приходится на XX век, главным образом — на послевоенный период 50-х – 80-х годов. Именно в это время разрозненные соображения о вреде цензуры и преимуществах свободного публичного дискурса стали консолидироваться и наукой, и судами в систему специальных правовых принципов и правил.

⁵ Сократ в одном из диалогов излагал доводы против письма как разрушающего память и, следовательно, познание. См.: Платон. Диалог «Федр». Пер. С.А. Жебелева / Творения Платона в 15 томах. Том 5. Петербург: Academia, 1922. С. 161.

⁶ Аксаков И.С. Там же.

Значительная часть этой работы происходила в американской юриспруденции: на эти годы пришлось, в частности, Движение за гражданские права, а также общественная кампания против войны во Вьетнаме. Новые формы протеста вызвали (старые) попытки его подавления. Ключевые прецеденты, касающиеся общих вопросов защиты свободы слова (применимости её к делу⁷, недопустимости ограничения высказываний на основании содержания⁸) и специальных (клеветы⁹ и подстрекательства к незаконной деятельности¹⁰) были установлены Верховным судом США в этот период, и ответы до сих пор фундаментально не менялись.

Тогда же формировались очертания подхода к свободе слова в европейских странах – в частности, в актах Конституционного суда ФРГ этих лет¹¹ и, чуть позже, Европейского суда по правам человека¹². Таким образом, всё самое важное в мировой юриспруденции, касающейся свободы слова, было определено в указанный тридцатилетний временной промежуток.

Возможности российских юристов по защите свободы слова и её изучению в эти годы были, очевидно, весьма ограничены. Российская наука и практическая юриспруденция подошли к изучению этой темы уже в тот момент, когда на пороге стояло массовое распространение Интернета. Поэтому регулирование и научное осмысление этой новой информационной реальности в России происходило без фундамента традиционной концепции свободы слова. Актуальность настоящего исследования объясняется в том числе и необходимостью некого шага назад, обращения к основам конституционализма, полезного для осмысления новых проблем.

⁷ Spence v. Washington // 418 U.S. 405 (1974).

⁸ Police Department of Chicago v. Mosley, 408 U.S. 92 (1972).

⁹ New York Times Co. v. Sullivan, 376 U.S. 254 (1964).

¹⁰ Brandenburg v. Ohio, 395 U.S. 444 (1969).

¹¹ BVerfGE 2, 1 - SRP-Verbot, Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts vom 23. Oktober 1952 (запрет неонацистской партии SRP); BVerfGE 5, 85 - KPD-Verbot, Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts vom 17. August 1956 (запрет коммунистической партии); BVerfGE 7, 198 - Lüth-Urteil, Entscheidung des Bundesverfassungsgerichts vom 15. Januar 1958 (дело Люта: неконституционность запрета призывать к бойкоту режиссера, являвшегося нацистом).

¹² См., напр.: Handyside v. The United Kingdom, judgment of the European Court of Human Rights, 7 December 1976. Application No. 5493/72; The Sunday Times v. The United Kingdom, judgment of the European Court of Human Rights, 26 April 1979. Application No. 6538/74.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. В российской науке отсутствует целостная и системная концепция конституционной свободы слова. Вместе с тем, отдельные элементы таковой, а также анализ российского законодательства в данной области, можно почерпнуть в диссертационных исследованиях М.А. Дубровиной, Н.В. Кузнецовой, М.Я. Муратова, А.Ю. Прохорова, А.А. Щербовича, А.Б. Эктумаева.

Практически единственными текстами на русском языке, посвящёнными политико-правовым основаниям свободы слова, являются работы дореволюционных мыслителей, в частности – И.С. и К.С. Аксаковых и Н.П. Вишнякова. Хотя эти труды и имеют скорее публицистический или политико-философский характер, в них поднимаются те ценностные вопросы, на которые можно ориентироваться и при анализе конституционно-правовых проблем.

Большого внимания отечественных учёных удостоилась тема так называемых информационных прав – подвижного комплекса институтов конституционного права, связанного с регулированием информации и операций, связанных с ней. Как правило, предполагается, что данные институты или дополняют (право на информацию), или поглощают свободу слова (свобода информации). Этому посвящены работы С.А. Авакьяна, М.В. Алексеевой, И.Л. Бачило, А.В. Кротова, А.В. Малько, Д.Р. Салихова, О.А. Снежко, Л.К. Терещенко и других отечественных исследователей. Кандидатская диссертация С.Н. Шевердяева также исходит из существования системы информационных прав, при этом рассматривает её, по большей части, как повторение традиционной концепции свободы слова.

Значительную разработку также получили конституционные основы деятельности СМИ, свобода прессы (свобода массовой информации). Различные аспекты этой смежной темы отражены в работах Ю.М. Батурина, Н.И. Бусленко, В.Г. Елизарова, А.А. Малиновского, М.А. Федотова, А.Г. Рихтера, С.Н. Шевердяева и В.Г. Шахназаровой.

Из-за недостатка специальных исследований по теме диссертации, в большой степени мы полагались на общие положения российской конституционно-правовой науки касательно прав человека, излагаемые, в том числе, в работах С.А. Авакьяна, К.В. Арановского, Л.Д. Воеводина, А.В. Должикова, Е.А. Лукашовой, В.В. Маклакова, А.В. Мазурова, Л.А. Нудненко, Б.А. Страшуна, А.А. Троицкой.

В зарубежной литературе разработанность темы значительно выше. Особенно продуктивна в этом плане американская юриспруденция: тематика свободы слова получила отражение, в частности, в работах Э. Бейкера, В. Блази, К. Верхана, Р. Дворкина, Т. Эмерсона, С. Гая, Е. Каган, А. Микльджона, Р. Поста, М. Редиша, Ф. Шауэра, А. Скалиа, К. Санстейна, Д. Стоуна, Л. Трайба, О. Фисса и других. Также в зарубежной науке уже много лет ведётся серьёзная дискуссия об общих принципах ограничения гражданских свобод и прав личности, имеющая большое значение для темы настоящего исследования. Она представлена трудами европейских и американских исследователей, в частности, Р. Алекси, А. Алейникова, Дж. Веббера, Д. Гримма, Р. Познера, Д. Сикмана, С. Цакиракиса.

Помимо количественной составляющей, разработанность темы свободы слова в российской и зарубежной науке различается в следующем качественном аспекте. Работы российских авторов по данной тематике опираются или на общие философские построения, или на конкретный нормативно-правовой материал (законодательство). Практически отсутствует средний уровень абстракции, предполагающий обобщение конкретных норм в правовые институты, формулирование категорий, правил или принципов, относящихся именно к регулированию высказываний. Данная работа пытается положить начало восполнению этого пробела.

Цель диссертационного исследования заключается в теоретическом развитии концепции свободы слова как конституционного права личности, в частности, определении политико-правового основания защиты свободы слова, конкретизации её содержания, уточнении характера интеграции этой

свободы в систему конституционных прав и свобод, обосновании необходимости особых правил её ограничения и систематизации таковых.

В рамках указанной цели, перед работой поставлены следующие **задачи**:

– исследование политико-правовых и ценностных оснований (теорий) конституционной свободы слова.

– анализ основных научных и практических (судебных) подходов к определению содержания свободы слова, области её действия.

– систематизация терминологического аппарата конституционно-правовой науки и практики в области регулирования высказываний (коммуникации).

– установление соотношения свободы слова со смежными правами, закреплёнными в конституции или провозглашаемыми в науке и практике, в том числе со свободой массовой информации, свободой информации, правом на информацию.

– уточнение юридической природы свободы слова как запрета определённых государственных действий (негативной свободы), в противоположность позитивной концепции свободы слова как направления для таковых.

– рассмотрение основных подходов к анализу правомерности ограничений свободы слова, выявление и систематизация принципов, подлежащих учёту при таком анализе.

Объектом диссертационного исследования является теоретическая концепция свободы слова как конституционного права личности.

Предметом диссертационного исследования являются конституционно-правовые и международно-правовые нормы, решения органов конституционного контроля, составляющие нормативную основу свободы слова, а также соответствующие положения российской и зарубежной доктрины.

Методологической основой исследования стали как общенаучные, так и частнонаучные методы. Общенаучные методы включали анализ (использован при рассмотрении теорий свободы слова, подходов к определению её содержания), синтез (для объединения соображений различных теоретических подходов к свободе слова в рамках негативной теории этой свободы), конкретизацию (использовался, в частности, при анализе концепции информационных прав), системный метод (при выявлении места свободы слова в системе конституционных прав).

В числе частнонаучных методов, использованных автором: формально-юридический (догматический), сравнительно-правовой, метод толкования (в частности, аксиологического и телеологического).

Теоретическую основу исследования составили научные положения, тезисы, модели аргументации и выводы, содержащиеся в трудах зарубежных и отечественных правоведов по вопросам системы личных и политических прав и свобод, их пределов и ограничений, а также по специальным вопросам реализации гражданами и иными её носителями свободы слова, соотношения её с иными институтами конституционного права.

В значительной степени, теоретическую основу исследования составили работы американских учёных. Несмотря на то, что правовая система США обладает значительной спецификой, объем **публикаций** на тему свободы слова, их разноаспектность и глубина, делают изучение темы невозможным без обращения к этим источникам¹³.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

Конституция Российской Федерации, конституции и хартии прав других государств (США, Федеративная республика Германия, Италия, Канада и другие).

¹³ В библиотеке Йельского Университета по запросу «свобода слова» (*freedom of speech*) находится 96 411 книг, 598 665 статей, а также 137 095 диссертационных исследований (на апрель 2024 года). По ключевым «свобода самовыражения» (*freedom of expression*), 67 778 книг, 957 161 статей и 301 816 диссертаций. Даже при том, что какая-то часть выдачи, скорее всего, является англоязычными работами неамериканских авторов, эти цифры всё же указывают на значительный уровень разработки данной темы в американской юридической науке.

Международные правовые акты, в частности Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составила обобщённая автором практика национальных и наднациональных судов по вопросам свободы слова. В частности, это акты Конституционных судов РФ, ФРГ, Южно-Африканской республики, Израиля, Верховного суда США, Верховного суда Канады, а также Европейского суда по правам человека.

Выбор материала предопределён задачами исследования. Научный интерес вызывают, в первую очередь, акты органов конституционного контроля, затронувших проблематику свободу слова в значительном количестве дел. Фрагментарная практика или лаконичные решения, не содержащие подробной мотивировочной части, не представляют ценности для настоящего исследования и не позволяют проводить теоретические обобщения, являющиеся его главной задачей.

Научная новизна диссертационного исследования предопределена постановкой научной проблемы, и заключается в анализе ключевых элементов теоретической концепции свободы слова как конституционного права личности: её политико-правового основания, содержания, места в системе конституционных прав личности.

Впервые на уровне диссертационного исследования подробно рассматриваются основные теоретические подходы к сущности свободы слова как конституционного права личности, приводимые философами права и конституционалистами. Новой для российской науки является негативная теория, основывающаяся конституционную защиту высказываний на недоверии государству как регулятору именно этого объекта.

В рамках отечественной доктрины впервые анализируются различные теоретические критерии, позволяющие точно определить содержание свободы слова. Также впервые в диссертационном исследовании доказывается, что

ключевым фактором для разрешения вопроса о применимости свободы слова к конкретному спору (или ситуации) должен быть мотив законодателя или иного регулятора, а не характеристики самих регулируемых действий. Новизна настоящего исследования определяется в том числе тем, что в научный оборот вводится понятие цензорского мотива государственных действий.

В работе проведён анализ терминологии, используемой в российской науке и практике в связи с концептуализацией свободы слова и смежных прав и свобод. Установлено соотношение свободы слова со смежными понятиями, используемыми в науке (в частности, свобода информации, право на информацию).

Впервые в диссертационном исследовании проанализирован вопрос о концептуализации свободы слова в качестве позитивной или негативной свободы, который значим для понимания роли государства в её реализации.

Впервые в рамках отечественной доктрины системно изложены и противопоставлены друг другу основные подходы к оценке правомерности ограничений свободы слова, в частности, анализ соразмерности и категориальный анализ. Обоснована необходимость специальных принципов (критериев) оценки правомерности государственных мер, вторгающихся в свободу слова.

Результатом диссертационного исследования является научное обоснование основных составляющих элементов концепции свободы слова как конституционной свободы личности.

На защиту выносятся следующие основные положения и выводы диссертационного исследования, обладающие элементами научной новизны:

1. Основные теории свободы слова (ценностные или политико-правовые обоснования конституционной защиты), выдвигаемые в литературе, рассматривают её как условие или инструмент для реализации более широких

ценностей: поиска истины, демократии или автономии личности. Однако более оптимальным путём построения теории является рассмотрение не ценностей, которым свобода слова служит, а рисков, на предотвращение которых она направлена.

Негативная теория свободы слова рассматривает в качестве основания её конституционной защиты недоверие государству в регулировании высказываний. Последнее склонно быть чрезмерным и неэффективным, поскольку оно чаще всего руководствуется не рациональными соображениями о предотвращении реальных негативных последствий высказываний, а нетерпимостью и своекорыстными интересами законодателей и правоприменителей. Людям также свойственна переоценка вредного воздействия информации на третьих лиц, а именно этот параметр является ключевым для ограничительных мер. Особенности объекта регулирования и человеческой природы приводят к необходимости наделять высказывания особым конституционно-правовым значением.

2. Буквально свобода слова имеет своим объектом «слова», однако она применима не только к словам и не ко всем словам. Наиболее точным критерием, определяющим применимость свободы слова к конкретной ситуации (а значит, и её объект) является мотив регулятора, а не внутренние характеристики действия или явления, на которые направляется регулирование. Такой подход основывается на выделении последствий значения действия, то есть таких, которые зависят от реакции на действие сознания слушателей. Любое регулирование действий, которое основывается на последствиях их значения, затрагивает свободу слова и должно оцениваться соответственно. При этом, не важно, что именно является конкретным объектом регулирования – словесные высказывания, экспрессивное поведение, финансовые операции или форма одежды людей. Всё это является «словами» в конституционном смысле, если законодатель нацелен на их значение.

Определение содержания свободы слова по критериям, присущим самим действиям (коммуникативное намерение и ясность значения) нежелательно для права из-за сложности и непроверяемости подобной оценки. Также в рамках содержания свободы слова остаются такие действия (часто насильственные), которые явно не заслуживают повышенной конституционной защиты. В частности, теракт имеет целью донесение определённого сообщения до неопределённого круга лиц, однако очевидно, что он не должен входить в область действия свободы слова. С применением критерия мотива регулятора эта проблема решается: теракт преследуется из-за общественно-опасных последствий, не связанных со значением.

3. Концепция свободы информации как комплексного института конституционного права, включающего как свободу слова, так и право на доступ к информации (право на информацию), теоретически несостоятельна. Граждане не имеют возможности требовать от каких-либо иных лиц, кроме государственных органов, предоставления информации, кроме небольшого количества случаев, прямо закреплённых в законе. Такое конструирование конституционной защиты (запрещено всё, что прямо не разрешено) указывает на то, что право на информацию не является конституционным правом личности, а описывает, в лучшем случае, набор интересов. Поскольку свобода информации, помимо правомочий, составляющих право на информацию, дублирует свободу слова, от этой концепции также стоит отказаться. Сохранению и анализу, отдельному от свободы слова, подлежит лишь право граждан на получение информации о деятельности государственных органов.

Практическими рисками подобных реформ терминологии является установление качественных требований к информации, представленной в дискурсе (например, её достоверности), а также вверение государству дополнительных полномочий, позволяющих оказывать давление на субъектов информационного обмена (например, интернет-компании).

4. Концептуализация свободы слова как позитивной свободы, направляющей активные государственные действия, ошибочна с

теоретической точки зрения и несёт в себе практические риски. Позитивной концепции свойственны четыре черты: целевой характер конституционной защиты, акцент на аудитории как на главном субъекте этой свободы, обязанность государства поддерживать определённые качественные параметры публичного дискурса, распространение свободы слова на действия частных субъектов.

Наибольшую разработку и нормативную базу позитивная концепция свободы слова получила в немецкой юриспруденции. Она происходит из позиций Конституционного суда ФРГ по вопросам регулирования вещательных СМИ: свобода вещания гарантируется не ради вещателей, но для конституционно-значимого процесса формирования личного и общественного мнения, требующего многообразной информации. Ряд исследователей распространяет эту позицию с вещательных медиа на весь публичный дискурс, приходя к выводу, что все высказывания должны соответствовать сущностным требованиям, подразумеваемым конституцией. Такой подход учёных и судов предполагает отказ от идеологического нейтралитета государства, расширение возможностей государства вмешиваться в дискурс, а также попадание дискурса в Интернете под строгие стандарты, применявшиеся ранее лишь к профессиональным СМИ. В связи с этим он должен быть отклонён.

5. Свобода слова – негативная свобода личности, то есть запрет определённых государственных действий, который не сковывает действия частных лиц. При регулировании информации, государство обязано соблюдать идеологический нейтралитет и не вправе вмешиваться в распределение коммуникативных ресурсов и возможностей, в том числе ради благих целей (разнообразия, достоверности, полноты информации, доступной гражданам). Проблема частной цензуры, служащая для ряда исследователей основанием для отказа от негативной концепции, в значительной степени переоценивается исследователями и законодателями. Риски для публичного дискурса, исходящие от частных корпораций, несопоставимо ниже, чем

создаваемые государством, однако именно последнему вверяются дополнительные полномочия при объявлении частной цензуры конституционно-правовой проблемой.

Негативный характер свободы слова, в противоположность целевому, рассматривает её в качестве нормы с открытым результатом. Конституция не устанавливает качественных параметров идеального публичного дискурса, ведь они во многом лишали бы смысла дальнейшее свободное обсуждение. Перед негативной свободой слова стоят исключительно правовые цели – контроль за цензорскими действиями государства, и она не может служить инструментом для преобразования социальной действительности.

6. Анализ пропорциональности (соразмерности), широко используемый в мировом конституционализме для оценки правоограничительных государственных мер, не способен адекватно защитить свободу слова. Во-первых, данная методология сосредоточена на соотношении меры и цели, тогда как свобода слова предполагает отказ государства от реагирования на определённые типы вреда, в частности, на последствия убеждения и нематериальный вред. Во-вторых, оценка вреда от высказываний склонна быть некорректной (вред переоценивается), что затрудняет проверку пригодности и необходимости правоограничительных мер. Законодателю, кроме того, практически всегда доступно регулирование действий, следующих за высказываниями, а не самих сообщений. Цензура, следовательно, никогда не является наименее ограничительной мерой.

Принцип пропорциональности не учитывает также чувствительность свободы слова к правоприменению. Данный метод аргументации подталкивает законодателя, правоприменителя и конституционный контроль действовать, исходя из обстоятельств конкретной ситуации, и такая ситуативность разрушительна для свободы слова. В напряжённые для общества периоды многократно повышается риск цензуры, не оправданной никаким вредом. Охлаждающий эффект, возникающий из-за неуверенности граждан в конституционной защите, сам по себе ограничивает возможности

высказывания. Доверие государственным органам и судам, на котором основана методика пропорциональности, неоправданно в вопросе регулирования высказываний.

7. Для оценки ограничений свободы слова наиболее оптимально дефиниционное (категориальное) взвешивание интересов. Установление баланса интересов, согласно данной методике, происходит на высоком уровне абстрактности и долгосрочно, что отличает данный подход от ситуативного анализа пропорциональности. Первым уровнем категориального анализа является определение общей категории «высказывания», к которой применима свобода слова. На втором уровне формируются подкатегории, для каждой из которых формулируются специальные принципы конституционной оценки.

В зависимости от теории вреда, предполагаемой нормой, выделяются цензорские и нецензорские основания регулирования. Меры, принятые на цензорских основаниях, видят вред в значении высказывания: они обращаются к последствиям убеждения, нематериальным последствиям, а также гипотетическим отдалённым последствиям. Вред, на который направлены нецензорские меры, заключается в материальных, физических последствиях сообщения, а не в его значении. Регулирование с исключительно цензорскими основаниями, подлежит отмене. Если среди оснований меры есть также нецензорские, государство обязано доказать, что мера является наименее ограничительным способом достижения поставленной (нецензорской) цели.

8. Развитие Интернета не приводит к пересмотру традиционного понимания свободы слова автоматически, и не должно иметь таких последствий. Распространение информации в Интернете не имеет никаких конституционно-значимых отличий от рядовых высказываний. Увеличение объёма, доступности и публичности информации лишь обостряет актуальность недоверия государственному регулированию, на котором основана защита свободы слова.

Государственное регулирование как содержательных, так и инфраструктурных аспектов Интернета должно соответствовать традиционным требованиям: они обязаны быть идеологически нейтральными, руководимыми нецензорскими основаниями, а также определёнными и точно направленными на нецензорскую цель. Хотя Интернет достаточно сложен для регулирования (например, почти невозможно запретить доступ к определённым материалам только для несовершеннолетних), это должно становиться поводом для отказа не от конституционно-значимых стандартов, а от нарушающих их правоограничительных мер.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Вклад в развитие конституционно-правовой науки представлен через разработку в диссертационном исследовании целостной концепции свободы слова как конституционного права личности. Исследование определяет ценностное основание этой свободы, уточняет его содержание и место в системе конституционных прав и свобод. Автор формулирует и обосновывает особые принципы ограничения свободы слова, и проводит систематизацию этих принципов.

Теоретическая проработка указанных аспектов свободы слова способствует устранению фрагментарности и пробелов исследования данной области конституционного права в российской науке.

Практическая значимость диссертационного исследования. Сформулированные в ходе исследования положения концепции свободы слова как конституционного права могут быть использованы в практической деятельности законодательных и исполнительных органов власти, органов конституционного правосудия.

Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе в высших учебных заведениях при преподавании курсов конституционного права и других дисциплин, связанных с тематикой работы. Систематизация судебной практики и положений зарубежной доктрины, проведенная автором, может служить основой для обновления учебных

программ и методических материалов, проведения дальнейших исследований в данной области.

Степень достоверности. Сформулированные в исследовании выводы и рекомендации логически обоснованы и имеют высокую степень достоверности, что подтверждается следующим. В рамках проведённого исследования проанализирована как зарубежная, так и российская практика конституционного правосудия (более ста девяносто актов органов конституционного контроля, наднациональных судов), относимые к теме положения законодательства различных стран. Использован большой массив доктринальных источников как по специальному вопросу, составляющему тему диссертации, так и по общим вопросам конституционализма и гражданских свобод. Эффективно применён широкий диапазон общенаучных и частнонаучных методов, что позволило всесторонне подойти к изучению проблемы.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены лично автором.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования изложены автором в 7 научных публикациях в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности.

Положения и выводы данного исследования нашли отражение в докладах автора на международных научных конференциях, семинарах. Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура работы отражает логику исследования и predetermined предметом исследования, его целью и задачами. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключающих в совокупности двенадцати параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы, приводится степень её разработанности, определяются цели, задачи и предмет исследования, демонстрируется новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются основные положения, выносимые автором на защиту, указываются сведения об апробации результатов исследования.

Первая глава «Основные теории свободы слова» характеризует наиболее распространённые теоретические подходы к конституционной свободе слова, приводимые в науке. Предлагаемые в науке теории предлагают различные ценностные, политико-правовые обоснования особого отношения конституции к высказываниям.

В первом параграфе первой главы рассматривается классическая теория свободы слова, наиболее полно изложенная в эссе Д.С. Милля «О свободе». Свобода слова, согласно этому объяснению, подлежит защите в связи с её ролью в процессе открытия и перепроверки истинных знаний. Философ приводит ряд сценариев, показывающих, что ограничение свободной дискуссии предсказуемо и неизбежно вредит этому процессу. Даже если цензорам удастся безошибочно отделить ложные идеи от истины (а это, разумеется, невозможно), последняя приобретёт характер догмы, а не живого знания. Соображения классической теории были внесены в юриспруденцию судьёй ВС США Оливером Холмсом, который настаивал на том, что наилучшим и самым безопасным способом постижения истины обществом является свободное обращение идей. Классическая теория свободы слова слишком абстрактна для практического применения и далека от права. Её доводы, однако, подлежат учёту в комбинации с иными соображениями.

Во втором параграфе рассматривается демократическая (коллективистская) теория свободы слова, которая обосновывает конституционную защиту высказываний их значимостью для демократического процесса. Свобода слова при таком подходе — это инструмент обеспечения информированности избирателей. Ключевыми

бенефициарами конституционной защиты являются не спикеры, а аудитория и демократическая система в целом. Такой состав значимых интересов, направленность данной теории на защиту общественного блага, а не личного самовыражения, позволяет называть демократическую теорию свободы слова коллективистской.

Конкретизация демократической теории может идти одним из двух путей. В классической версии демократической теории, наиболее полно изложенной А. Микльджоном, свобода слова важна для демократического *процесса*. Возможность граждан открыто высказываться по вопросам политической повестки обеспечивает народный суверенитет. Цензура же, напротив, приводит к тому что государство становится не производным от народной воли, а активным субъектом её формирования. При этом, государство сохраняет роль модератора, следящего за тем, чтобы участники дискуссии не отклонялись от самой важной повестки и не нарушали правила ведения обсуждения.

Современные исследователи, далее разрабатывающие коллективистскую теорию, ставят перед свободой слова более масштабные задачи: она призвана приводить к более правильному *результату* демократического процесса. Публичный дискурс должен быть выстроен так, чтобы он выражал не заранее сформированные ценности отдельных граждан, а общие (гражданственные) ценности. Трансформация эгоистических предпочтений должна произойти в ходе обсуждения (дискурса).

Рассматриваются проблемы коллективистского подхода, главной из которых автору представляется расширение полномочий государства в области регулирования высказываний. Традиционная демократическая теория предполагает, что государством централизованно будет установлена повестка и правила обсуждения. Такая власть уже означает возможность значительного контроля над дискурсом. Современная же версия коллективистской теории, берущая своё начало в антилиберальных философиях марксизма и постмодернизма, вовсе устраняет какие-либо рамки для регулирования. Ей

отрицается главное для свободы слова – идеологический нейтралитет государства. Современная коллективистская модель свободы слова предполагает программу тоталитарного перестроения мышления граждан, всего общества и публичного дискурса, которая, по мнению автора, должна быть отклонена.

В третьем параграфе рассматривается группа теорий свободы слова, которые опираются в своих построениях на автономию личности. Автономия личности, незримая, но фундаментальная конституционная ценность, может определяться сущностно (дескриптивно) или формально (аскриптивно). В первом случае, она рассматривается как степень, в которой граждане имеют возможность принимать решения независимо и рационально. Открытый публичный дискурс, предоставляющий информацию для принятия таких решений, способствует реализации данной ценности.

При формальном определении автономии, соблюдение государством свободы слова является условием легитимности правопорядка. Свобода слова в этой трактовке рассматривается в качестве границы делегирования власти государству и выражение свободы мысли.

Отмечается, что даже при ценностном согласии с теоретиками, опирающимися на автономию в обосновании свободы слова, нельзя не заметить стратегическую неудовлетворительность подобного подхода. Бремя доказывания легитимности государства и власти большинства переносится на это большинство. Это не вполне верно изображает задачу теоретических построений в области конституционализма, которая видится автору скорее обратной. Теория свободы слова должна обращать внимание на те соображения, которые имеют шансы сработать в патологические политические периоды, когда общество испытывает значительное напряжение. Представляется, что индивидуалистические доводы о моральной легитимности не всегда справляются с этим.

В четвёртом параграфе анализируется наиболее простая и элегантная, по мнению автора, теория свободы слова. Негативная теория основывается на

недоверии к государственному регулированию высказываний. Свобода слова рассматривается не с точки зрения тех интересов, которым она служит, а исходя из угроз, которые она пытается предотвратить. Подчёркивается, что исторический опыт однозначно свидетельствует о неспособности государства разумно регулировать высказывания. Трудно отыскать хотя бы несколько мер цензуры, которые по прошествии времени можно оценить как полезные.

К системной чрезмерности государственного регулирования высказываний приводит комплекс институциональных и психологических факторов. Цензура регулярно используется для достижения государственными деятелями корыстных целей, в том числе подавления критики и удержания власти. Искажения, свойственные человеческому мышлению, например, так называемый эффект третьего лица, приводят к систематически ошибочной оценке потенциального вреда от информации. Обосновывается диспропорция между заинтересованностью граждан в высказываниях и заинтересованностью лиц и групп, желающих ввести цензуру, в их ограничении. Делается вывод о необходимости более строгого подхода к оценке любых форм регулирования высказываний, в свете человеческих несовершенств, а также особенностей процесса принятия государственных решений.

Вторая глава диссертации рассматривает критерии, по которым определяется область действия этой конституционной свободы. **Первый параграф** обозначает различия между общеупотребимым и юридическим значением слова «слова» в обороте «свобода слова». Указывается, что свобода слова относится не только к словам, и не ко всем словам.

Анализируются позиции по вопросу содержания свободы слова, приводимые в мировой юридической науке: выделяются категории чистых (словесных) высказываний и экспрессивного поведения. Словесные высказывания подлежат повышенной конституционной защите из-за их повышенной ценности и пониженной вредоносности, сравнительно с иными действиями. На основании данных свойств словесных высказываний,

конституционная защита распространяется и на иные действия, которые функционально эквивалентны словам. Экспрессивное поведение (демонстрирование символов, создание произведений искусства и другое) нацелено на передачу аудитории сообщения, убеждение слушателей в выражаемой точке зрения.

Традиционно, параметрами, определяющими применимость свободы слова, являются коммуникативное намерение и ясность значения, присущие определённому действию. Автор приходит к заключению, что субъективность данных критериев не позволяет применять их последовательно. Приводится пример террористического акта, который, исходя из вышеупомянутого стандарта, может ошибочно рассматриваться как действие, к которому применима свобода слова, поскольку имеет коммуникативную направленность и часто обладает вполне ясным для аудитории значением. В рамках теоретической разработки свободы слова, представляется, крайне важно отсечь любые насильственные действия из области действия конституционной свободы.

Предлагается иной подход к определению применимости свободы слова, основанный на мотиве регулятора (как правило, законодателя). Любое действие порождает последствия, связанные с его значением и последствия, не имеющие отношения к значению. Последствия значения возникают в результате восприятия сообщения сознанием слушателей: это некий посыл, который извлекает аудитория и может оценить тем или иным образом. Любое регулирование, направленное на подобные последствия, представляет собой вмешательство в свободу слова и должно оцениваться сообразно этому. Исходя из этого критерия, данная свобода применима к регулированию и словесных высказываний, и актов символического протеста, и финансовых операций и многого другого. Вместе с тем, преследование любых насильственных действий никак не затрагивает свободу слова. Теракты и политические убийства преследуются не из-за последствий значения, а из-за физического вреда, наносимого их жертвам.

Параметр мотива регулятора, хотя он и кажется таким же субъективным, как намерение высказывающегося, в большей степени поддаётся анализу и позволяет установить чёткие границы применимости свободы слова, обеспечивая при этом последовательность судебной практики.

Второй параграф второй главы анализирует отражение критериев применимости свободы слова в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Верховного суда США (ВС США). Указывается, что Европейский суд не опирается на чёткую систему критериев при разрешении вопроса о срабатывании статьи 10 Европейской конвенции. В работе, однако, называются ключевые факторы, которые ЕСПЧ принимает во внимание, включая коммуникативное намерение, возможность понимания сообщения адресатами, публичность высказывания, политический контекст высказывания и прочие. В целом, подход ЕСПЧ заключается в том, что свобода выражения мнения признаётся применимой, если хотя бы какое-то обстоятельство дела подталкивает к выводу о коммуникативности действия. Применимость, тем не менее, не является решающей для исхода дела, поскольку в результате анализа пропорциональности, многие ограничения свободы слова признаются правомерными.

Верховный суд США относится к свободе слова крайне серьёзно: в случае применимости Первой поправки в деле, шансы заявителя на успех очень высоки (а законодателя – низки). Принятие судом такой общей позиции, начиная примерно со второй половины XX века, подталкивало его к формулированию ясного стандарта применимости Первой поправки. Такой стандарт, называемый тестом Спенса (*Spence test*), был закреплён в 1974 году. Согласно ему, Первая поправка применима, если гражданин своими действиями пытался передать конкретное сообщение, а также имелась высокая вероятность, что аудитория поймёт это сообщение. Требование конкретности сообщения позже было отменено, и в этом изменённом виде тест Спенса действует до сих пор. Указываются также дела, в которых конституционный анализ ВС США опирается на мотив регулятора. Согласно

позиции суда, особенно часто встречаемой в решениях с 1990-х годов, если государственное воздействие основано на содержании высказывания, Первая поправка применяется в деле.

Третья глава работы направлена на изучение места свободы слова в системе конституционных прав личности. Для раскрытия этого вопроса использована предложенная И. Берлином дихотомия между негативным и позитивным пониманием свободы. Позитивная свобода соотносится с участием индивида в процессе принятия решений (авторством), негативная зависит от сферы, в которой действия индивида не встречают преград. В работе подчёркивается, что традиционное восприятие свободы слова как запрета государственного вмешательства, в современной доктрине все больше уступает позитивной концепции. Выделяются следующие черты позитивного подхода: взаимосвязь свободы слова с демократией, целевой характер свободы слова, важность интересов аудитории, активную роль государства в обеспечении качества дискурса, распространение свободы слова на действия частных субъектов.

Для реализации позитивного видения свободы слова в науке и нормативной практике используется концепция свобода информации, чему посвящён **первый параграф третьей главы**. Данным понятием в науке объединяются традиционные соображения свободы слова и право на доступ к информации (право на информацию). Обосновывается, что право на информацию не образует субъективного конституционного права в связи с неясностью или чрезмерной широтой предполагаемых им возможностей. Фактически же право на информацию полностью зависит от узких возможностей требовать информацию (в основном, у государства), предполагаемых законодательством.

Конституционализация информации, предполагаемая концепцией свободы информации, рассматривается **во втором параграфе третьей главы** на основе решений Конституционного суда ФРГ, касающихся регулирования вещательных медиа. Рассматривается позиция суда о том, что

конституционная свобода вещания выходит за рамки субъективного (негативного) права, поскольку она задаёт стандарт для всего процесса построения мнения в обществе. Исходя из этого, частные вещательные компании, наряду с государством, должны способствовать многообразию информации. Согласно позиции КС ФРГ, частный сектор самостоятельно не способен обеспечить плюрализм, требуемый конституцией, и поэтому требует регулирования со стороны независимых общественных органов.

Используя данную практику КС ФРГ, исследователи предлагают идею многообразия информации как общее требование к информационному обмену, составляющему предмет свободы слова. Позиция, что публичный дискурс должен быть подчинён неким заранее установленным ценностям, называется в настоящей работе информационным социализмом, поскольку за ней неизбежно следует необходимость государственного перераспределения возможностей публичного высказывания.

Третий параграф третьей главы посвящён рассмотрению свободы слова как негативной свободы. Доктрина государственных действий (*state action doctrine*), принятая в американском конституционализме, предполагает, что свобода слова (и иные конституционные свободы) сковывает исключительно действия должностных лиц и органов государства. Анализируются критические доводы в адрес доктрины государственных действий и негативного характера свободы слова, выдвигаемые в американской науке. Утверждение, что нечёткость границ между частным и публичным должна приводить к отказу от негативной концепции свободы, отвергается. Автор подчёркивает важность наличия хотя бы минимальной области человеческой жизни, неподвластной государству.

В параграфе также рассматривается период развития американского права, когда США склонялись к положительной трактовке свободы слова и свободы СМИ. В этом контексте анализируется комплекс мер, называемый Доктриной справедливости (*Fairness Doctrine*), предписывающей медиа представлять аудитории разнообразные точки зрения и уделять определённую

долю эфира политической информации. Отказ от позитивной концепции, изначально принятый исполнительными органами власти, а затем поддержанный практикой ВС США, признается автором верным решением, обоснованным в свете исторического опыта, практики применения данных норм и конституционно-значимых рисков злоупотребления государственными органами своими полномочиями.

В четвёртом параграфе третьей главы автор критически анализирует концепцию позитивной свободы слова и обосновывает преимущество негативного подхода. Выделяются теоретические, политико-правовые (моральные) и эмпирические проблемы позитивной модели свободы слова.

Целевой характер свободы слова несостоятелен: она теряет смысл, если желаемый результат дискурса известен заранее. Также подвергается сомнению конституционная значимость разнообразия информации в её трактовке сторонниками позитивного подхода. Основания для навязывания гражданам определённой выборки информации, отсутствуют. Автор обращает внимание на патернализм, элитизм и антидемократичность позитивной концепции свободы слова. Обосновывается, что предлагаемое централизованное регулирование информационного обмена направлено на решение выдуманных или преувеличенных проблем. Доказывается, что на рынке идей предпочтения аудитории играют еще более значимую роль, чем на обычных (экономических) рынках, что, в свою очередь, делает патерналистское регулирование излишним. Выбор информации и её оценка - исключительно вопрос личной ответственности граждан, а роль государства должна сводиться лишь к невмешательству в распространение сведений.

Четвертая глава работы освещает основные методы анализа ограничений свободы слова. В её **первом параграфе** рассматривается принцип пропорциональности, используемый для анализа ограничений прав органами конституционного контроля и учёными во многих странах мира. Согласно данному подходу, ограничения всех прав должны оцениваться по единым правилам: правоограничительная мера должна быть соразмерна

преследуемым законодателем целям. Кратко описываются этапы анализа пропорциональности: пригодности, необходимости и пропорциональности в строгом смысле. Обсуждаются причины популярности принципа пропорциональности, главная из которых видится в том, что его внешняя объективность позволяет судам восполнить дефицит демократической легитимности своих решений.

Автор полагает, что слабые стороны пропорциональности как инструмента правового анализа особенно заметны в контексте свободы слова. Так, дефиниционная щедрость (провозглашение множества прав без их конкретизации), предполагаемая пропорциональностью, ведёт к возникновению прав, единственным смыслом которых является ограничение свободы слова (право на забвение или право не быть оскорблённым). Исходное равенство взвешиваемых интересов не позволяет исключать из анализа нелегитимные государственные цели, тогда как на недопустимости реагирования на некоторые типы вреда основана вся концепция свободы слова. Пропорциональность не учитывает также чувствительность свободы слова к правоприменению, проявляющуюся в охлаждающем эффекте неопределённых мер цензуры и феномене патологических политических периодов. Ситуативность анализа пропорциональности не позволяет установить такую защиту высказываний, на которую граждане смогут реально полагаться. Данный подход к правам исключает принятие стратегических, долгосрочных решений, каковым, в конечном счёте, является закрепление в конституции и защита свободы слова.

Во **втором параграфе четвертой главы**, раскрывается концепция дефиниционного (категориального) взвешивания интересов, основанная на практике ВС США и работах американских исследователей. Автор утверждает, что только такой подход к оценке правоограничительных мер позволяет обеспечить последовательную и надёжную защиту свободы слова.

Категоризации подлежат как сами высказывания, так и их ограничения. Главным параметром подобного анализа является цензорский характер мотива

регулятора (законодателя): его стремление ограничить распространение определённых мнений и сведений, которые он считает недопустимыми или опасными. По этому критерию ограничения высказываний подразделяются на те, что направлены на содержание сообщений (содержательные ограничения) и нейтральные (основанные, например, на времени или месте). Содержательные ограничения подлежат самой строгой оценке: законодателю необходимо доказать, что принятая мера руководствуется нецензорскими основаниями и представляет собой наименее ограничительный (безальтернативный) способ достижения легитимной цели. Также подчёркивается важность точной направленности и ясности подобных законодательных положений.

Автор формулирует указанные требования как пошаговый стандарт оценки правомерности мер, ограничивающих свободу слова. В **заключении**, особо подчёркивается, что технология распространения информации, в том числе тот факт, что высказывание было опубликовано в Интернете, не должно быть значимо для конституционного анализа. Таким образом, автор приходит к выводу, что эволюция Интернета не меняет фундаментальные принципы свободы слова, поскольку риски, которые являются её основанием, связаны с государством как регулятором, а не с особенностями распространения высказываний, и остаются неизменными уже на протяжении столетий.

Список работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности:

1. Кульнев А.С. Защита чувств верующих: как не переступить черту? // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 25-28 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 1,587).
2. Кульнев А.С. Криминализация клеветы: необходимость или угроза? // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4 (113). С. 59-72 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,487).
3. Кульнев А. С. Свобода выражения мнения: обзор основных теорий // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. №. 2 (129). С. 92-104 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,487).
4. Кульнев А.С. Запрет разжигания ненависти в современном праве: наука и практика в поисках надёжного обоснования // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 4 (155). С. 93-121 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,487).
5. Кульнев А.С. Конституционное право и политический реализм: негативная теория свободы слова // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 4. С. 2-8 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 1,587).
6. Кульнев А.С. Свобода слова и потенциальный вред от высказываний в праве США: исторический путь и современные вызовы // Сравнительное конституционное обозрение. Т.33. 2024. №3 (160). С. 43–68 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,487).
7. Кульнев А. С. Фейковые новости на рынке идей: критический взгляд на американскую теоретическую дискуссию // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т.34. №1(162). С. 120–149 (двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,487).